

За окном моросил дождик, и мне было грустно.

«Осень... — подумал я.— Осень похожа на пиликанье скрипки в руках неумелого музыканта: тягучее, тоскливое, а все же красивое. Только зябко на душе от этой красоты».

У нас за стенкой соседский мальчик, Миша Зайкин, как раз на скрипке учится. Так весь подъезд его Терзайкиным прозвал. Как начнет тренировку — сразу жильцы из дома бегут: кто в гости, кто в магазин, а кто собаку выгуливать. Сил нет Мишину игру слушать. Вот и осень — она такая же.

А тут еще мама уехала. Отправилась в деревню, навестить деда с бабушкой. Уже три дня навещает. А вернется лишь завтра утром. Ведь завтра особенный день — мамин день рождения.

Я уже и подарок сделал: слепил из пластилина роскошную башню с оконцами, ставнями и острым куполом. А на самую маковку прикрепил три кленовых листка — желтый, зеленый и красный. Вот только башня какая-то одинокая получилась. Словно чего-то в ней не хватает.

Думал я, думал, как башню улучшить,— ничего не придумал.

Тут папа мне говорит:

— Шурка, ты чего нос повесил?

Я объяснил: не выходит подарок для мамы.

Папа сразу все понял. Он вообще у меня понятливый. Он подумал немножко и спросил:

— Слушай, Шурик, а что если поселить в твоей башне солнечных зайчиков? Пусть живут там, внутри, а я их научу танцевать. Приедет мама, зайчики выпрыгнут из башни и станцуют для нее весенний вальс. Вот мама обрадуется!

Я говорю:

— Ты, папа, хорошо придумал. Пусть это будет наш общий подарок. Только где мы возьмем солнечных зайчиков? Ведь за окном тучи.

Ни единого луча солнышка. И станцуют ли зайчики весенний вальс, когда на дворе осень?

— А мы таких зайчиков наловим, что станцуют,— успокоил меня папа.

— Где? — удивился я.

— На Майском лугу,— объяснил папа.

Я наострил уши: семь лет живу на свете, а никогда про Майский луг не слышал.

— Где же он,— спрашиваю,— луг этот?

— Там, где всегда весна,— сказал папа, посмотрел в окно и улыбнулся так, словно сквозь дождь и слякоть видел что-то далекое и хорошее.

Я понял: папа что-то задумал. Мне стало интересно. Ведь мой папа немножко волшебник. Совсем чуть-чуть, но и это уже немало.

А папа принял поэтический вид и сказал мне стихами:

— *Собирайся скорее в дорогу, дружок,
Мы из осени съездим в весну на часок.*

И я пошел одеваться. Папа тоже надел пальто, взял зонтик, а мне дал сачок:

— Будешь зайчиков ловить.

Еще мы взяли большую морскую ракушку. Когда-то в ней шумело море, но потом выдохлось и умолкло. С тех пор ракушка лежала на столике под зеркалом просто для красоты.

Ракушку папа положил в сумку, заодно собрал кое-какие припасы и весеннюю одежду мне на смену — ведь на Майском лугу будет жарко.

В последний момент, уже перед самым выходом, папа вдруг спохватился и сунул в карман старый флакончик из-под маминых духов. На флакончике была нарисована ветка сирени. А сверху на нем была кнопка, чтобы брызгать сиреневым запахом.

Когда-то я с этим флакончиком охотился на дворового кота. Кончилось дело плохо, правда, не для кота, а для меня. Кот взобрался на дерево и смотрел на меня свысока, а флакончик быстро опустел, и мне за это влетело от мамы. Но было это страшно давно, еще в прошлом году. Я в ту пору был еще маленький, а теперь поумнел. Я теперь на котов не охочусь, ни с флакончиками, ни без них.

Пока я вспоминал детство, подъехал лифт, и вскоре мы с папой вышли на улицу. Был уже вечер, дождь лил не переставая. Папа раскрыл зонтик, взял меня за руку, и мы зашагали к метро.

— А ты бывал на Майском лугу? — спросил я папу, пока мы шли. — Ты знаешь дорогу?

— Мы там познакомились с твоей мамой,— сказал папа шепотом и весело посмотрел на меня, а я крепче сжал его руку.

Мимо пробегали редкие прохожие, кутаясь в плащи. С кленов порой слетали пожелтевшие листья. Папа наклонился, подхватил пару листочков и спрятал в карман пальто.

Дождь усилился, поднялся ветер. Зонтик чуть не вырвался у папы из рук. Погода становилась все хуже. Но папу это ничуть не расстроило. А когда мы были уже у входа в метро, загремел гром и в небе блеснула молния.

Я немножко боюсь грозы, но с папой мне ничего не страшно. И все-таки мне хотелось поскорей спуститься в метро, где будет тепло и сухо. Однако папа почему-то замешкался, передал мне зонтик, а сам достал из кармана сиреневый флакончик.

— Он же пустой,— напомнил я на всякий случай.

— Сейчас, сейчас,— сказал папа.

Тут снова сверкнула молния, а папа как-то по-особенному повернул флакончик, нажал на кнопку, и я увидел яркую вспышку. Это молния, превратившись в тонкую изогнутую искру, скользнула прямо внутрь флакончика. Дождь сразу приутих и забарабанил редкими каплями.

— Вот так,— довольно сказал папа, сунул флакончик в карман, и мы спустились в метро.

Там было много народу. Все люди куда-то спешили, а от их одежды шел пар.

— Ну, Шурка, теперь гляди в оба,— сказал мне папа.— Как увидишь синюю дверцу с золотым нарисованным солнышком, дай мне знать.

— А разве нам не на поезд? — удивился я.

— Обычные поезда до Майского луга не ходят,— объяснил папа.

Я принялся озираться по сторонам. Мы шли по длинному подземному переходу. Впереди были кассы, где продавались билеты. Перед кассами стояли очереди. В стене перехода я увидел железную дверь, но она была совсем не синяя, а какая-то серая и унылая. К тому же на ней висел замок.

— Это служебный вход,— сказал мне папа.— Туда нам не надо.

И мы прошли мимо.

Очень скоро мы оказались в кассовом зале. Здесь не было совсем никаких дверей, только окошки, за которыми сидели две тетеньки-билетерши. А еще в этом зале стояли большие билетные автоматы.

Тут папа подмигнул мне и кивком показал на один такой автомат.

Я ничего не понял. Автомат — высокий железный ящик серебристого цвета — стоял у стены и совсем не похож был на синюю дверь.

Но папа коснулся его зонтиком, и автомат тихонько отъехал в сторону, да так незаметно, что люди в очереди даже не обернулись. А в стене, которую раньше загораживал ящик, обнаружилась маленькая

небесно-синяя дверца — чуть выше моего роста. И в самой середине этой дверцы было нарисовано золотое веселое солнышко.

Папа приложил к рисунку ладонь, и солнышко вдруг повернулось, словно сказочный колобок, а лучи его затрепетали.

В тот же миг дверца со скрипом отворилась. Папа сделал мне знак следовать за ним, пригнулся и протиснулся в узкий проем. Я юркнул следом. И дверца за нами захлопнулась.

Мы оказались на маленькой узкой платформе, полутемной, со сводчатым потолком. С потолка свешивались красивые хрустальные люстры, и лампочки в них давали неяркий зеленоватый свет. Кроме нас с папой, здесь больше никого не было, и мне стало немного не по себе.

— Не бойся, Шурик,— подбодрил меня папа.— Сейчас придет паровоз.

В самом деле, послышалось негромкое пыхтение, и к платформе подъехал белый паровозик, тоже маленький, с двумя вагончиками.

Паровозик замедлил ход, остановился, двери вагонов раскрылись, и мы с папой шагнули внутрь.

Там было тепло и уютно. У окошек стояли мягкие скамейки: три ряда слева и три справа. Но пассажиров не было и здесь.

— Мало кто верит в чудеса,— вздохнул папа.— Поэтому и на Майский луг почти никто не ездит.

Мы с папой заняли места. Я устроился у окошка. А сачок положил под лавку.

— Смотри, не забудь,— предостерег меня папа.— А то нечем будет зайчиков ловить.

— Не забуду,— я махнул рукой.— Это ж дедушка мне подарил. Мы с дедом все лето в деревне бабочек ловили.

Тут послышался громкий голос:

— Осторожно, двери закрываются. Следующая станция — Весна.

Двери закрылись, и паровоз тронулся в путь.

Сначала за окнами ничего было не разглядеть, потому что мы въехали в туннель. Изредка только мигали сигнальные фонари. Поэтому мы с папой решили перекусить.

Папа достал из сумки два больших бутерброда, обернутых блестящей фольгой. Фольгу папа ловко свернул в трубку — получилась серебристая дудочка. А бутерброды мы съели.

Затем папа осмотрелся и недовольно покачал головой.

— Наследили мы с тобой, Шурик.

И вправду, на чистом, словно домашнем полу вагона отпечатались мокрые следы наших сапог.

Папа взял зонтик, встряхнул его хорошенько, щелкнул пальцами, и зонтик превратился в настоящую швабру. Этой шваброй папа вытер следы и, довольный, уселся на место.

Я вдруг всполошился:

— Пап, а билеты у нас есть? Что если кондуктор войдет?

— Держи,— улыбнулся папа и протянул мне желтый кленовый листок, один из тех, что он подобрал по пути к метро.— В этом поезде принимаются только такие билеты.

Другой лист, большой и красный, папа оставил себе.

Между тем паровоз выехал из туннеля, и я ахнул. Ведь уже был совсем поздний час, но за окнами оказалось светло как днем.

Я прильнул носом к стеклу. Паровоз бежал через поле. Дождя не было. Тучи почти разошлись, и сквозь них пробивалось жаркое солнце. Я привстал, открыл верхнюю створку окна и высунул нос наружу.

— Не высовывайся,— сказал папа.

— Ну, па-ап,— протянул я.— Здесь так здорово! Ветер дует прямо в лицо. Можно я немножко так постою?

— Только недолго,— сдался папа.— И смотри не простудись.

Скоро мы въехали в лес. Сразу стало темнее. Паровоз мчался мимо высоких сосен, елей и всяких других деревьев, которых я даже не знал названий.

Сделалось жарко. Папа прошел по вагону и открыл все окна.

— Скоро уже приедем,— сказал он.

Затем он достал из сумки мою футболку, шорты и сверток с сандалиями. Я переоделся. Папа тоже снял пальто.

Вдруг за окном что-то ухнуло, затем еще раз, и я увидел, как в форточку соседнего окна просунулась пернатая голова с клювом. Круглые желтые глаза сердито уставились на меня. Я обмер от страха.

Но папа не растерялся. Он схватил швабру, которой недавно протирал пол, и ткнул ею жуткую птичью голову. С обиженным уханьем незваная гостья скрылась за окном.

— К-кто это б-был? — испуганно спросил я.

— Сыч,— пожал плечами папа.— Или сова. Зря я окна открыл. Тут в лесу опасная живность водится.

И будто в подтверждение его слов послышалось грозное рычание: я заметил, как из лесной чащи выскочил большой темно-серый зверь и пустился вскачь, догоняя наш паровозик. Это был волк.

— Эге,— сказал папа.— Такого приятеля шваброй не одолеешь.

Я сжался на сиденье, но не мог оторвать взгляд от окна. Волк быстро нагнал поезд и, сделав огромный прыжок, вскочил прямо на подножку нашего вагона. И замер там, тяжело дыша и облизываясь. В окно он пролезть, конечно, не мог, но хотел, наверно, доехать с нами до Майского луга, чтобы там съесть нас обоих.

У меня зуб на зуб не попадал от ужаса. Зато папа ничуть не испугался. Он вытащил сиреневый флакончик, высунулся из окна перед самым носом у волка и нажал на флакончике кнопку.

В тот же миг из флакончика вылетела сверкающая молния, грянул гром, и волк кубарем покатился в лесную чашу, подвывая от пережитого страха. А в небо над паровозиком поднялась небольшая тучка и окатила лес теплым дождиком. Капли дождя источали легкий сиреневый аромат.

— Больше волк к нам не сунется,— довольно заявил папа.— И всем друзьям своим в лесу расскажет, что от нас лучше держаться подальше.

Вот такой у меня папа — самый храбрый папа на свете!

А еще через несколько минут поезд выехал из леса и вскоре остановился. Машинист объявил:

— Станция Весна. Выход на платформу «Майский луг». Будьте внимательны, стоянка продлится ровно час. Не опаздывайте, пожалуйста.

Папа взял с собой ракушку, я достал из-под лавки сачок, и мы вышли на платформу.

Только никакой платформы не оказалось. Паровоз стоял прямо на зеленой лужайке. А кругом во все стороны простирался бескрайний цветочный луг. Здесь росли незабудки, ромашки, клевер... Особенно много было одуванчиков.

Небо совсем расчистилось, и сияло ясное солнышко. А воздух был сладкий-сладкий, как бывает только весной.

Я почувствовал, как меня переполняет радость. Хотелось бегать, смеяться, кувыркаться.

Папа тоже осматривался вокруг с жизнерадостным видом. А затем обвел широким жестом цветущее поле:

— Вот такой он и есть, Майский луг.

— Да-а! — как зачарованный, выдохнул я.

— Ну что, Шурик, пробегись немножко, и займемся охотой на солнечных зайцев?

Я не заставил себя упрашивать и помчался прямо по лугу, а сердце мое то замирало от восторга, то принималось стучать быстро-быстро.

В воздухе стоял несмолкаемый гул — щебетали птицы, жужжали жуки и пчелы. Бесшумно порхали бабочки.

Где-то в отдалении журчал ручей и на берегу его играли дети. Но я к ним не побежал: успею еще. Сначала — подарок для мамы.

Запыхавшись от быстрого бега, я вернулся к папе, подхватил сачок, и мы вместе стали высматривать шустрых солнечных зайчиков.

Вот один сияющий заяц спрыгнул с солнечного луча на верхушку одуванчика. Хоп! Я накрыл его сачком.

Заяц весело залопотал, захихикал. Ему нравилось со мной играть.

Папа достал ракушку, хранившую память о море. Я приподнял сачок, поманил зайца, тот перебрался в ракушку, выставив уши наружу.

Вскоре мы наловили с дюжину солнечных зайчиков. Не всем им хотелось сидеть в ракушке: двое особенно непоседливых все время норовили выпрыгнуть, и мы их отпустили.

Папа сказал:

— Пойду поищу-ка я жаворонка.

— Зачем тебе жаворонок? — спросил я.

— А кто сплет песню для заячьих танцев?

Он достал свою дудочку из фольги, заиграл, и на звук слетелись разные птицы — малиновки, стрижи, щеглы, синицы...

Папа прислушался к их голосам, а потом извлек из своей дудочки особо хитрую трель, и все птицы разом умолкли. Только одна птичка с хохолком на макушке продолжала петь. Это и был жаворонок. Папа повернул к нему морскую ракушку, а сидевшие внутри зайцы приподняли уши: уж больно красиво пел жаворонок.

Когда песня утихла, папа подмигнул жаворонку, тот расправил крылья и взвился в небо, а вслед за ним улетела и вся разноперая стая. Папа же поднес ракушку к уху, послушал с минутку и удовлетворенно покачал головой:

— Хорошая мелодия, маме понравится.

Мне на ладошку опустился большой майский жук.

— Возьмем его домой? — спросил я у папы.

— Не стоит. Жук ведь не заяц. Он погибнет в холодных краях. У нас сейчас сентябрь, а ему нужен май.

И я выпустил жука на волю.

— Пойду поиграю с ребятами,— сказал я. И взял на всякий случай сачок и ракушку: вдруг поймаю еще симпатичного зайца?

— Только не опоздай,— кивнул папа.— Паровоз даст три гудка и дальше ждать не будет.

— Я быстро! — крикнул я и побежал к ручейку.

Но ребят там уже не было. Только их голоса доносились откуда-то издали. Я осмотрелся. У самого берега, за холмом, росло небольшое, но крепкое деревце. Должно быть, дикая яблоня.

«Заберусь наверх,— решил я.— Авось разгляжу, куда все подевались».

Сачок я положил на траву, а ракушку не решился оставить и сунул за пазуху, чтобы зайцы не разбежались.

Вскарабкавшись на упругий сучок, я увидел, что ручей в отдалении разливается в настоящую речку. И там пришвартован к берегу белый пароходик. На него по дощатым мосткам как раз поднимались дети. Было и несколько взрослых.

— Э-ге-гей! — крикнул я и помахал пароходику рукой.

Одна девочка, еще остававшаяся на берегу, помахала мне тоже и позвала:

— Давай к нам!

Я хотел ей ответить, но впопыхах оступился и чуть не сорвался вниз. Лишь чудом ухватившись за ветки, я удержался на дереве. Но ракушка с зайцами выскользнула у меня из-за пазухи и шлепнулась в траву. Раздался глухой удар. Солнечные зайчики прыснули во все стороны!

— Что я наделал! — воскликнул я.

Разжав руки, я мешком плюхнулся наземь. Ушибся я не сильно. Куда больше я волновался за ракушку: неужто она разбилась? Что же будет с маминым подарком?

Но ракушка была цела. Вот только зайцев в ней не осталось. Лишь песенка жаворонка переливчато зазвучала, когда я поднес ракушку к уху.

В этот миг послышался топот и ко мне подбежала та самая девочка, из-за которой я чуть не упал. Она была в простом зеленом платице и босиком. А сама — сероглазая, светловолосая, голова вся в маленьких кудряшках.

— Все из-за тебя! — сердито воскликнул я.

— Ты чего? — удивилась девочка, совсем не обидевшись. И мне стало стыдно. Не она ж виновата, что я такой неуклюжий.

— Видишь, зайцы разбежались, — объяснил я. — Мы с папой их собирали, маме на день рожденья. А теперь... эх...

— Не унывай, — сказала мне девочка. — Сейчас обратно наловим. Бери сачок! Тебя как зовут? Я — Таня.

— А я Шурик, — сказал я.

И в этот миг прозвучал гудок — громкий и долгий, как сказочный горн.

— Не успеем! — в отчаянии воскликнул я. — Паровоз вот-вот отправится.

— Мы быстро! — возразила Таня. — Еще два гудка будет.

С этими словами она метнулась в траву, сомкнула ладошки и через секунду уже протягивала мне веселого сверкающего зайца. Я мигом упрятал его в ракушку. Схватил сачок, повернулся, накрыл второго зайчика в лепестках ромашки, а Таня тем временем ловила третьего.

— Зайчики далеко не ускачут, — объяснила мне Таня. — Они всегда стайкой держатся, друг от дружки далеко не отходят. Каждый зайчик всегда знает, где его братья и сестры.

— Шурка! — послышался взволнованный папин голос. — Где ты? Давай скорее!

Я лихорадочно заметался. Таня тоже заторопилась, но казалась совсем спокойной.

— Ты на Майском лугу в первый раз? — спросила она, вручая мне пятого зайца.

— Угу, — сказал я. Под листом лопуха притаился шестой заяц, и я старался его не спугнуть.

— Шурик, ну где же ты?! — звал меня папа. Он был за холмом и не мог меня видеть.

Заяц из-под лопуха убежал. Но я ухватил другого, сидевшего на стебельке маргаритки.

— Вы с папой откуда приехали? — спросила Таня.

— Из города... — начал было я, но тут раздался второй гудок, и сердце замерло у меня в груди.

— А мы с сестренкой из июля приплыли, — как ни в чем не бывало сказала Таня. — Наш пароход тоже скоро отправится. Но ты не переживай. Еще минутка у тебя есть.

— Из июля... — повторил я, засовывая в ракушку девятого зайца. — А мы из сентября.

— Шурик, чертенок! — воскликнул папа. — Мчись сюда, живо! Опоздаем же!

Тогда я решил, что девяти зайцев вполне достаточно. Надо бежать.

Но Таня протягивала мне десятого — прямо на вытянутой ладошке.

— Оставь себе на память! — крикнул я на бегу и, не оборачиваясь, понесся туда, откуда звал меня папа.

— Ты приедешь еще? — вслед мне прокричала Таня. Но я не ответил. Некогда было.

Папа наконец заметил меня, махнул рукой в сторону паровозика, и мы помчались как угорелые. Ракушку я прижимал к груди обеими руками. Хоть бы только не уронить!

Третий гудок прозвучал, когда нам осталось добежать лишь несколько шагов. Поезд тронулся. И тогда папа подхватил меня на руки и совершил грандиозный прыжок — ничуть не хуже давешнего волка. Мы очутились на подножке последнего вагона. Папа осторожно поставил меня на ступеньку рядом с собой, открыл дверцу, и мы ввалились в тамбур, еле переводя дух.

— Уфф, — сказал папа, когда мы заняли свои места. — Ну, ты, Шурка, даешь. Я тебя зову-зову... Еще чуть-чуть, опоздали бы.

Я тоже отдышался и только тогда рассказал папе, что случилось. Про белый пароходик, про разбежавшихся зайцев и про девочку Таню, которая помогла мне их собрать.

— Ничего, — сказал папа и похлопал меня по плечу. — Все хорошо, что хорошо кончается.

И тут я спохватился: а где сачок?!

Конечно! Я ж забыл его там, у дерева. Вот беда! Я готов уже был разреветься. Дедушкин ведь подарок... Но папа посоветовал мне не отчаиваться.

— Когда-нибудь мы снова поедem на Майский луг, — сказал он. — Быть может, сачок и найдется. Ведь там всегда май, всегда весна, время идет по кругу. Приедem, а сачок там так и лежит.

Я вздохнул:

— Может быть...

А потом я вдруг понял, что ужасно устал. Так, что глаза закрываются. Все-таки это был самый удивительный день в моей жизни.

— Папа,— спросил я,— ты не против, если я немного посплю?

— Что ты, Шурик, конечно, спи,— улыбнулся папа и погладил меня по голове.

Я свернулся калачиком на сиденье, положил голову папе на колени, и сон навалился на меня, как пушистое теплое одеяло...

...Я не помнил, как мы добрались домой. Наверное, папа принес меня на руках, а может, применил какое-нибудь волшебство. Только проснулся я в своей кровати. А дома уже была мама. И за окнами брезжил хмурый сентябрьский день. Но дома у нас было светло и весело: по комнатам носились неугомонные солнечные зайчики, кувыряясь и играя друг с дружкой и с нами.

Мама, смеясь, обняла меня:

— Ах ты мой отважный путешественник! Привет тебе от дедушки с бабушкой!

— С днем рождения, мама! — сказал я.

А вечером был праздник. Мама испекла малиновый пирог. Мы с папой «вручили» ей наш подарок: я подвел маму к башне из пластилина, папа принес ракушку, постучал по ней пальцем, и раздалась песня жаворонка. Под эту песню прямо из башни, изо всех ее окон и дверок, выпорхнули девять солнечных зайцев и закружились в веселом танце.

Они вспрыгнули на стол и на зеркало, пробежались по стенам, по дверцам комода, один заяц даже забрался мне на нос — мне стало щекотно, и я чихнул. Под конец зайцы станцевали вокруг праздничного пирога, помахали едва заметными хвостиками и дружно юркнули в башню. Таков был весенний вальс солнечных зайчиков!

Мама захлопала в ладоши, расцеловала нас с папой, и мы пошли есть пирог.

Это был замечательный вечер. И я сделался такой счастливый, словно сам превратился в солнечного зайца. Вот только чуть-чуть было грустно, что потерялся дедушкин сачок. И что с Таней я так и не попрощался...

Но на следующее утро меня ждал сюрприз.

— Шурик! К тебе гости! — позвала меня мама из коридора.

Я очень удивился: кто бы это мог быть? Если Димка, мой лучший друг, мама так и сказала бы: «К тебе Дима пришел».

— Сейчас чайник поставлю,— приветливо говорила кому-то мама.— Приходите с Шуркой на кухню.

Я выбежал в коридор. На пороге стояла Таня. Одета она была по-осеннему: в пальто, шапке и резиновых сапогах. Но я ее сразу узнал. К тому же на плече у нее сидел солнечный заяц и грыз солнечную мор-

ковку. А в руке Таня держала сачок — мой сачок, тот самый, который я забыл на Майском лугу.

Сердце мое радостно забилося.

— Привет, Шурка,— сказала Таня.— Вот, держи,— и протянула мне сачок.

— Таня! — от изумления я захлопал глазами.— Как ты меня нашла?

— Меня твой заяц привел,— улыбнулась Таня.— Я ж тебе говорила: зайчик всегда дорогу найдет к своим сестрицам и братьям.

Заяц соскочил с ее плеча и запрыгал по стенам.

— Он два месяца по своим тосковал,— добавила Таня.— Да и я все лето гадала: увидимся ли еще? Ты так быстро тогда убежал.

— Два месяца? — я ничего не понимал.

— Так ведь наш пароход пришел из июля, а твой поезд из сентября,— напомнила Таня и лукаво посмотрела на меня.

— И правда! — сообразил я.

— А теперь на Майский луг уж не попасть,— Таня вздохнула.— Корабли туда больше не плавают, поезда не идут. Твой паровоз был последним.

Я погрустнел на минутку, а потом сказал:

— Нет, Таня. Мне папа обещал, что мы еще съездим на Майский луг. А мой папа все-все знает! Даже высоту горы Джомолунгмы.

Еще я хотел прибавить, что уж папе-то верю, ведь он лучший папа на свете. Но не стал. Вдруг Таня обидится? Все-таки у каждого ребенка папа с мамой свои.

Таня молча покачала головой.

— Чай готов! — послышалось из кухни, и к нам вышли мама и папа. Они держались за руки и с улыбкой смотрели на нас.

— Заходи, Таня,— сказал тогда я.— Будем, как зайцы, дружить. Хочешь?

И Таня, покраснев от смущения, кивнула:

— Конечно!

